

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233
EDN: TCABIV

ПОСТМОДЕРНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ТАМАРЫ БЕРТОВНЫ ГУРТУЕВОЙ

Армине Владимировна Каспарова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, armina.kasparova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4717-7244>

Аннотация. В данной работе проанализированы истоки и тезисы постмодернистской поэзии Северного Кавказа на материале монографии Т.Б. Гуртуевой «Маленький человек с большой буквы», изданной в 1994 году. Зафиксированы изменения художественности, связанные с выдвиганием на первый план силы и новизны высказывания. Установлены также и другие критерии, связанные с постмодернистским стилем повествования, в их числе деконструкция сюжета, интертекстуальность, ирония и др. Учитывая общемировые события XX века, приведшие общество к состоянию постмодерна, подтвержден и интернациональный подход к обозначению этого термина. В исследовании представлены первые попытки описать уникальные черты поэтического дискурса Северного Кавказа. Автор статьи обращает внимание на этнический метакод, который, согласно теории Г. Гачева о Космо-Психо-Логосе, народа влияет на все сказанное и написанное.

Ключевые слова: Тамара Гуртуева; постмодернизм; Северный Кавказ; поэзия; мировая литература; романтизм; модернизм.

Для цитирования: Каспарова А.В. Постмодернизм на Северном Кавказе: анализ теоретических концепций Тамары Бертовны Гуртуевой // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 223-233. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233. EDN: TCABIV.

© Каспарова А.В., 2026

Original article

POSTMODERNISM IN THE NORTH CAUCASUS: AN ANALYSIS OF TAMARA BERTOVNA GURTUEVA'S THEORETICAL CONCEPTS

Armine V. Kasparova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, armina.kasparova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4717-7244>

Abstract. This work analyzes the origins and theses of postmodern poetry in the North Caucasus based on the monograph "The Little Man with a Big Letter" by T.B. Gurtueva, published in 1994. It identifies changes in artistic quality related to the emphasis on the power and novelty of the message. The work also establishes other criteria associated with the postmodern narrative style, including the deconstruction of the plot, intertextuality, irony, and others. Taking into account the global events of the 20th century that led society to a postmodern state, the international approach to defining

this term has been confirmed. The study presents the first attempts to describe the unique features of the poetic discourse of the North Caucasus. The author of the article draws attention to the ethnic meta-code, which, according to G. Gachev's theory of the Cosmo-Psycho-Logos of a nation, influences everything that is said and written.

Key words: Tamara Gurtuyeva; postmodernism; North Caucasus; poetry; world literature; romanticism; modernism.

For citation: Kasparova A.V. Postmodernism in the North Caucasus: An Analysis of Tamara Bertovna Gurtueva's Theoretical Concepts. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 223-233. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-223-233. EDN: TCABIV.

© Kasparova A.V., 2026

Введение

Постмодернистская культура, зародившаяся во второй половине XX в., в рамках глобализационных процессов оказалась масштабным явлением, охватившим многие страны и культуры. Духовная ситуация кризиса и абсурда отражала самые глубокие травмы человека XX в. В рамках новой концепции мысли человечество ощутило себя запертым в огромном пространстве разноплановых событий, которым оказалась чужда бинарность оппозиций, каноничные иерархичные связи, мораль и глубина. Важным этапом возникновения таких умонастроений оказалась невозможность существования высоких идей модернизма, которые по сути явились логическим продолжением ценностей Нового времени, с присутствием ему романтизмом, высокими идеалами, верой в прогресс и ожиданием будущего как формы высокотехнологичного и идеального мира. Вместо логичного развития и созидания общество погружается в упадок и анархию смыслов, меняя все конструкции и положения модернизма, теряя центр мысли и форму, погружаясь в метафоричное молчание.

Единой точкой отсчета постмодернистского кризиса стали события двух мировых войн, создание атомной бомбы, моральные и экологические катаклизмы. Выражая степень упадка морали, Теодор Адорно, последователь Франкфуртской школы, задается вопросом, возможна ли поэзия после Освенцима [Адорно 2003]. В действительности, поэтическое слово, до этого в большинстве своем ассоциирующееся с пафосом героизма, свободы и индивидуальности, обрело поэтику предметности, интертекстуальности. Поэзия преодолела академические рамки, став вызовом и получив черты перформанса и китча по всему миру.

Актуальность данного исследования лежит в плоскости выявления и осмысления постмодернистской художественной культуры в контексте исследований литературоведа Тамары Бертовны Гуртуевой (р. 1950). На материале ее монографии «Маленький человек с большой буквы» мы проанализируем основные тезисы, выдвигаемые специалистом, а также на примере поэтических текстов рассмотрим идейную составляющую постмодернистской поэзии Северного Кавказа.

Впервые «постмодернизм» стал частью духовной ситуации северокавказского пространства в 1990 г., судя по трудам Т.Б. Гуртуевой. В книге «Маленький человек с большой буквы», опубликованной в 1994 г., исследовательница приводит теоретические и практические обоснования постмодернизма на

материале поэтических текстов. Важно отметить, что автор оставляет в стороне национальный вопрос, обозначая все, что написано на русском языке – в данном случае в поэтической форме – русской поэзией.

Подход к пониманию сути постмодернизма представлен в предисловии к изданию. В нем говорится, что центральным философским аспектом в теории возникновения постмодернизма является кризис широко понятого романтизма, осознание неблагополучия мира и стремление к его изменению. Мир реальный казался романтикам текучим и неинтересным, тогда как развитие, бесконечное и нескончаемое, действительно, ощущалось значимым. Именно стремление к неисчерпаемому знанию побудило Фауста отправиться в путешествие. Однако, мир реальный оказался не таким блеклым для Фауста и тогда он произнес: «Остановись мгновение!». По мнению Гуртуевой, эта позиция героя означала признание факта мира, ощущение его реальным и ценным [Гуртуева 1994: 30]. Для романтической эстетики эта концепция означала бы крах самой идеи, метафорично воплощенной в смерти Фауста.

Концепция постмодернизма Т.Б. Гуртуевой

Рассуждая о критериях постмодернистского произведения, автор подчеркивает изменение контекста художественного творчества и выделяет нижеследующие важные аспекты.

Постмодернизм решительно изменил критерии художественного, обратив особое внимание не на мастерство автора, а на силу и новизну его высказываний, соединив в нем «творца» и «философа». Мастерство автора теперь оценивается по его послы. Таким образом, индивидуальное слово художника, сколь бы новаторским оно ни было, его субъективность взглядов становится основой творчества.

Новая духовная ситуация превратила художественное творчество в игру смыслами, интертекстуальный квест. Аллюзии на мировую литературу превращают произведение в цитатник, где каждая мысль собирается как своеобразный коллаж из текстов других эпох, зачастую не имеющий единой линии, что вызывает насмешку или иронию по поводу утраченной осмысленности.

Текстовое пространство посткультуры вбирает в себя все стили и жанры, независимо от эпохи, к которой относится и свой первоначальный смысл. Постмодернизм наделяет аллюзии равными правами и «предоставляет всему существу возможность пребывать в мире без него (постчеловека), реализуя на практике то космическое безмолвие, которое охватывает человека перед лицом Ничто» [Гуртуева 1994: 11]. Обилие стилей и цитат освобождает автора второй половины XX в., стремящегося к затуханию и молчанию, от бремени нового, ибо все уже открыто и создано. Таким образом, постмодернизм – культура, не способная мыслить новым, обреченная на переработку старого, выговаривая себя с помощью концепций прошлого.

Главная философская убежденность постмодернистских авторов заключается в признании реальности хаотичной и отказе от ее предметности. По мнению Т.Б. Гуртуевой, «навязчивый мотив дематериализации, развоплощения призван выявить бессмысленность усилия художника угадать очертания

действительности» [Гуртуева 1994: 8]. В результате этого, реальность выражается метафизическим языком – умалчиванием. Автор считает, что любая попытка логически подойти к реальности оборачивается кризисом и «усугубляет нелепость описания мира» [Гуртуева 1994: 9]. Именно поэтому постмодернистское пространство текста свободно от логики центра повествования и зачастую смещает угол зрения во все стороны.

Тамара Бертовна вслед за итальянским исследователем Умберто Эко, убеждена в том, что постмодернизм сложно зафиксировать, поскольку он бытует в мире на уровне ощущений. Именно поэтому тексты второй половины XX в. представляют в разной степени одну и ту же эпоху, не имея претензий называться постмодернистскими, ибо создаются скорее из ощущений вокруг, а не из целенаправленного следования определенным канонам.

По выражению Т. Гуртуевой, постмодернизм есть некая старость романтизма, которая ознаменована завершением эпохи оптимистичного прогресса [Гуртуева 1994: 19]. Со знаком минус вторая половина XX в. представляет прогресс и научные открытия: «прогрессорство» оказало человеку негативную услугу, приняв формы уробороса – змеи, кусающий себя за хвост. Ученая называет героя постмодернизма «последней редакцией романтического человека», который, убедившись окончательно в несовершенстве мира, пустоте идеалов, возвращается к своему одиночеству.

О постмодернистской поэзии Северного Кавказа

Размышляя о поэзии Новейшего времени, Т.Б. Гуртуева подмечает, что сущность ее – есть трагизм [Гуртуева 1994: 48]. Однако необходимо отметить, что трагизм этот отнюдь не из-за героического пафоса одиночества, ибо оно, по сути, породило романтический образ гения. Природа кризиса лежит в плоскости ощущения конца мира, конца истории. По словам ученой, поэзия превращается в рефлексию по реальности, которая неуловима, поэтому остается лишь фиксировать некие воспоминания о ней, зачастую навеянные интертекстуальностью [Гуртуева 1994: 49].

Постмодернистская эстетика создается из позднего романтического ощущения «маленького человека», у которого отняли субъектность, то есть способность самому выбирать и выражать смыслы. Его трагедия основана на внутренней заброшенности. Из этого, по мнению ученой, «рождается одиночество как выражение несогласия человека с положением дел, при котором он должен выбирать из двух способов бытия, которые ему одинаково ненавистны» [Гуртуева 1994: 39]. Иными словами, «маленькому человеку» трудно быть объектом, но и в субъектности он жить не в состоянии. Способствует этому чувству «оставленности» – осознание себя частью нищезанской концепции «сверхчеловека» как возможности приблизиться к ощущению себя цельной личностью, творческой и свободной. Таким образом, понятие «маленький человек» и «сверхчеловек» связаны. Однако, выходя из рамок понятия «маленький человек», герой никак не может приблизиться к «сверхчеловеку», поскольку для этого требуется четкое осознание, называние вещей своими именами. Такая система координат

невозможна в хаосе мира, из-за чего человек остается между двумя состояниями и в этой тишине творит свое событие.

Т.Б. Гуртуева в своих практических исследованиях, основанных на приложении постмодернистской культуры к поэзии Северного Кавказа, описывает несколько последовательных уровней новой духовной ситуации. На наш взгляд их можно разделить на две части: первая – метафизика страдания; второе – поиски выхода из трагизма.

Метафизика страдания. Для того, чтобы ощутить мир, встретиться с ним, лирический герой отправляется в метафорический путь. Постмодернистский квест может быть, как у Тахира Толгурова, в состоянии окаменелости, или, как у Сергея Кабалоева, когда отстранённому лирическому герою не удастся фиксировать факт мира и он проходит сквозь вечные понятия:

Я иду сквозь любовь,
Я иду сквозь прозрачную мглу.
...Я иду сквозь слоистое время.
Как в загадочном сне прохожу сквозь пустые миры.
Я шагаю к мосту сквозь прозрачную мглу, сквозь забвенье,
И за мной – моя тень, а за ней – звуки детской игры [Гуртуева 1994: 121].

Лишенная бинарности постмодернистская культура теряет возможность определять вечные понятия, осмысливать жизнь и чувства, давать оценку. Вместо этого лирический герой оставляет пробелы, умалчивает или превращает все в цитату. Например, двойственность поэзии Т. Толгурова заключается в его желании погрузиться и исследовать хаос, но в то же время он остерегается бездны:

В день исчезающий и зыбкий я шагну
И в миг, когда потухнет стон заката,
Вдруг оглянусь и, улыбнувшись воровато,
Край тени осторожно отогну...
[Толгуров 1992: 24]

Лирический герой же Кабалоева лишен «прекрасной ясности», он предстает в образе развоплощенного духа, не имеющего способности почувствовать, зафиксировать любовь, время, мир. Двойник героя появляется в поэзии Кабалоева в виде тени, за которой слышны «звуки детской игры» [Гуртуева 1994: 121]. Неразрешенный конфликт, который таится именно в безмолвной тени, становится тем посредником между жизнью и самим героем. Образ тени возникает и в другом стихотворении, где герой признается в том, что отдает ей первенство:

Я шагаю вслед за тенью,
Я иду к своей судьбе... [Гуртуева 1994: 122].

Поиски собственного «я» заставляют лирического героя Николая Рендакова, который постоянно вопрошает: «Что есть я в этом шуме и свете?», отправиться по местам, которые живут в его сердце [Гуртуева 1994: 133]. Благодаря

этому, он делает следующее заключение – привычный мир теряет того, кто мог бы назвать его прекрасным, зафиксировать его реальность – человека:

И обезлюден дом,
И обезлюден сад.
И фонари еще среди яблонь не горят,
Случайное ушло вперед на много лет.
И только тишины на белом свете нет [Гуртуева 1994: 134].

Интертекстуальность и обобщенность определяют степень метафизики поэзии Джамбулата Кошубаева. При этом, уточним, что, если для Кабалоева цель духовного квеста – отыскать Родину, то для Кошубаева она понимается как весь мир. Иными словами, интертекстуальность – это основа мира постмодернизма, суть которой в безопасном проживаемом опыте реальности.

Бездомность героя позволят ему ощущать себя частью сразу всех культур в «единстве времени и пространства», превращаясь в некий обобщенный символ:

Эдем, размененный на Гефсиманский сад,
Томит наш дух в тоске по Саду [Гуртуева 1994: 141].

Главная трагедия человека постмодернистского толка – осознание себя частью вещественного мира, утрата собственной индивидуальности. Именно созерцание вещественного становится главным методом «прозаичной» поэзии Аркадия Кайданова. Сквозь предметы и детали поэт связывает реальный мир и человека:

Боязлив и недоверчив
этот самый первый снег
Ветром кручен он и верчен,
он совсем как человек [Гуртуева 1994: 148].

Тамара Бертовна подмечает, что поэтическая история Кайданова начинается с чего-то близкого, небольшого. После чего мысль развивается и перерастает в злободневное и вечное – «он совсем как человек» [Гуртуева 1994: 148]. Определяя координаты творческого стиля Кайданова, автор отмечает, что в нем могут уживаться противоположности: высокая образность и простота стиля. Последняя берет начало из самой жизни, а первая существует, чтобы прояснить, что нет предела мысли, как и мира – «звездное небо над головой» [Гуртуева 1994: 151].

Реакцией на хаотичность мира становится ирония. «Усмешка горькая обманутого сына» - именно так Гуртуева описывает постмодернистскую эстетику Тимура Кибирова [Гуртуева 1994: 166]. Охваченная цитатностью, она стилистически напоминает игру слов, смыслов. Многословие – это центральный метод поэзии Кибирова, с помощью которого настоящее сокрыто, завуалировано.

Освещу, оскорблю, опознаю и одушевлею,
и осмыслю, и оправдаю,
сущую чушь

словом, тяжело несущим,
и, из джи умыкнув,
и поставив себя на правож,
я добьюсь возвращения долга –
вырву правду, управу на время найду [Гуртуева 1994: 177].

Одиночество человека постмодернистской эпохи не заключается в реальной оставленности или пребывании в количестве «один». Одиночество – есть некая метафора нашего времени. В ней мы видим и философскую «смерть Бога» Ницше, торжество материалистических форм Бодрийера.

Поиски выхода из трагизма. В поэтическом мире Толгурова, по выражению, исследовательницы, сам мир не вызывает доверия героя: он «глух», «тосклив», «безжалостен» и безмолвен, после чего герой уходит на метафорический край света. Однако замирание и окаменелость лирического героя не имеет ничего общего с остановкой пути или конечностью мира, все дело в попытке ухватить факт вечности – «переход от индивидуального к трансцендентному, от дробности к единству» [Гуртуева 1994: 104]. Поэт убежден, спасти человека в этом пространстве НИЧТО может только любовь, но и она имеет неясные черты. Любовь – есть возвышение, именно поэтому путь героя направлен ввысь, «туда, где гармония противостоит Хаосу жизни» [Гуртуева 1994: 109]. Интертекстуальный опыт Данте возвышает героя, стремящегося к метафорическому символу любви, в случае Толгурова, к импрессионистской Беатриче.

К любви, как единственному глобальному выходу из ситуации кризиса обращается и Джамбулат Кошубаев, для которого также актуальна тема болезненного столкновения с реальностью. Тут, по опыту совершенно другого лирического героя, он вновь воссоздает неумолимую силу любви:

Какою явью, сном каким,
Какими тропами глухими
Приходишь ты, - не знаю я.
Здесь расстояния иные,
Другая форма бытия –
Лишь от тебя и до тебя [Кошубаев 2002: 40].

Осознать свое «я», выйти из тени – означает ощутить гармонию, признаться в существовании реальности с ее многочисленным хаосом. В этом же заключается тайное желание героя поэзии Сергея Кабалоева – осознать свое «я», «уверовать в то, что он вне опасности» [Гуртуева 1994: 123]:

...он гонится за собственной душой.
Он бьет ее кастетами метафор,
стремясь сильнее потрясти свое же
воображение, что он от света слепнет,
а в сумерках привычных,
как в кавычках,
молчит
и чахнет, молча отчуждаясь... [Гуртуева 1994: 129]

Мир, по замечанию Т.Б. Гуртуевой, отделяется от героя Рендакова, однако простые истины все еще свежи в памяти:

О чем я?
Да так, ни о чем.
О белых ромашках и астрах,
О древнем желании счастья,
О небе, опять голубом [Гуртуева 1994: 136].

Незримая борьба между вечным и бренным, добром и злом, миром и иллюзией – вот главный подтекст всех приемов постмодернистской культуры. Это сопротивление, например, у Кайданова, может принимать формы эмоционального повествования, описание обычного, окружающего: голубя, снега, соседа, возлюбленных. По выражению Гуртуевой, в поэзии Кайданова особенно заметна «сила искреннего чувства», а кроме этого: «На наших глазах происходит постижение сущего посредством слова» [Гуртуева 1994: 147].

Описание жизненного потока, простое обозначение событий, настроений, сокрытая ирония, рефрены: все это постмодернистские приемы, характерны и для поэзии Кибирова, в основе которых таится попытка охватить реальность мира и выйти навстречу к «миру людей и вещей» [Гуртуева 1994: 178].

По мнению исследователей, постмодернизм тяжело завершить, сложно выйти из круга цитирования. При первом рассмотрении «господствует беспросветность, мрак», но на самом деле свет внутри героя все же существует: «И вырвется хаос времен, но я рискну...» [Толгуров 1992: 24]. Риск и любовь – единственные элементы, которые помогают лирическим героям не терять связь с добрым и вечным.

Полемика

В «Словаре течений литературы XX века» термин «постмодернизм» представляется как явление интернациональное, со своими характерными специфическими чертами и уникальными трактовками в странах и культурах [СТЛ 2003: 46]. Конечно, существуют международные признанные концепции теоретиков постмодернизма: У. Эко и И. Хассана, Р. Барта, Ж. Бодрийяра и многих других. Однако, наряду с традиционными, глобальными тезисами, в пространстве литературоведческих интерпретаций все же есть место дискурсу, обращенному к конкретным событиям, относящимся к тому или иному национальному обществу. Именно поэтому, постмодернизм существует в следующих национальных координатах: русский, болгарский, датский, немецкий, исландский, испанский, итальянский и т.д. Это именно те постмодернистские вариации, которые описаны в «Словаре течений литературы XX века». Например, русский постмодернизм стал источником выражения и отображения действительности в 90-е гг. XX в. Именно в этот период жители некогда огромной и мощной страны переживали развал Советского Союза и состояние кризиса от утраты осмысленности.

В тоже время, затрагивая переходный этап советской общности, мы рассуждаем о многих культурах, проживающих в этой стране. Каждая из них

переживала этот распад по-своему, обращаясь к своему культурному Космо-Психо-Логосу. Как раз этот феномен этнического варианта постмодернизма оказывается за пределами исследований Т.Б. Гуртуевой. Происходит это по вполне понятным причинам: поэзия, анализируемая в книге «Маленький человек с большой буквы» представлена на русском языке. Он же, язык, по мнению Хайдеггера, – есть дом бытия. Добавим, что ко всему прочему, слово, возможно, даже определяет это бытие. Уникальность ситуации заключается в том, что в случае, например, северокавказских авторов бытие умножается на два, а то и три. К национальному логосу добавляются русский космос и опыт высказывания мирового уровня. В результате чего возникает синтез форм художественного самовыражения, укладываемых в три фланга мировой литературы: зарубежная, русская, национальная.

Важным ключом к разгадке этой проблемы является собственная авторская причастность к той или иной культуре. Например, из личной беседы с адыгейским поэтом Дж. Кошубаевым мы узнали, что автор считает себя именно адыгейским поэтом. А значит, в его творчестве будет развиваться тот самый уникальный метакод адыгейской (шире адыгской) постмодерности. Говоря о классическом пракультурном коде адыгов, необходимо обратиться к исследованиям Ю.М. Тхагазитова, который утверждает, что Космо-Психо-Логос народа находится в категории «диагональ» [Тхагазитов, Ципинов 2015: 306]. Имеется в виду угол зрения, с которого адыгские народности, проживающие на равнине у подножия гор, смотрели на Ошхамахо (гора счастья).

Этническая ментальность, закрепленная в сознании на генетическом уровне, влияет на все сказанное и написанное. Например, при анализе поэтических текстов Т. Толгурова важно определить балкарские культурные координаты, которые, по мнению З.А. Кучуковой выражаются в категории «вертикаль» [Кучукова 2006: 44]. Об этом говорит и место проживания балкарцев с их аксиологемами – горы, эпос и язык.

Важно, что «единожды найденный метакод национальной онтологии пронизывает и объясняет все сферы жизнедеятельности этноса: его Космос, Логос и Психею» [Кучукова 2006: 44]. И тогда оказывается, что постмодернизм начинается тогда, когда по тем или иным причинам, ломается привычный метакод и культура оказывается оторвана от этнического носителя. В этот момент он как раз и чувствует тот самый кризис.

Именно по этой причине практически все лирические герои, исследуемые Т.Б. Гуртуевой, сосредоточены на обретении утраченных корней, поисках родины, детства, любви.

Заключение

Рассуждая о трагедии, переживаемой человеком постмодернизма, Т.Б. Гуртуева цитирует итальянского ученого Аурелио Печчеи (1908-1984): «В мире никогда еще не царил такой беспорядок, и никогда прежде в мире не было столько большого количества разных опасностей. И все потому, что никогда прежде не было такого смятения в человеческой душе» [Гуртуева 1994: 200].

При этом вся книга написана в духе веры в поэзию Новейшего времени, которая перед лицом кризиса может сопротивляться и бороться. К этому добавляется невероятно сильная по духу фраза, означающая способность человека все же понять мир новейшего времени и отыскать собственное «я»: ... «маленький человек» способен еще стать человеком с большой буквы» [Гуртуева 1994: 47].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адорно 2003 – Адорно Т.В. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 369 с.

Гуртуева 1994 – Гуртуева Т.Б. Маленький человек с большой буквы: Очерки творчества. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 207 с.

Кошубаев 2002 – Кошубаев Дж.П. Логос без имени: Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 160 с.

Кучукова 2006 – Кучукова З.А. Карачаево-балкарский национальный космос: императив вертикали // Текст и гуманитарный дискурс вчера и сегодня: Материалы третьего выпуска сборника научных трудов кафедры зарубежной литературы института филологии КБГУ. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2006. – С. 44-57.

СТЛ 2003 – Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. Книга вторая: П-Я. Указатели / отв. ред. А.Ф. Кофман; редколлегия: Е.Д. Гальцова, Ю.Н. Гирин, В.Б. Зусева-Озкан, Т.В. Кудрявцева, О.Ю. Панова, О.И. Половинкина, И.А. Эбанойдзе. – М.: ИМЛИ РАН, «Река времен», 2003. – 960 с.

Толгуров 1992 – Толгуров Т.З. Пять шагов на огонь: Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 112 с.

Тхагазитов, Ципинов 2015 – Тхагазитов Ю.М., Ципинов И.А. «Диагональ» как прасимвол адыгской этнокультуры. Перечитывая «Зимнюю ночь» А. Шогенцукова // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2015. С. 304 – 308.

REFERENCES

Adorno T.V. *Negativnaya dialektika* / Per. s nem. E.L. Petrenko. M.: Nauchnyi mir, 2003. 369 p.

GURTUEVA T.B. *Malen'kii chelovek s bol'shoi bukvy: Ocherki tvorchestva* [A Little Man with a Big Letter: Essays on Creativity]. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 207 p. (In Russ.).

KOSHUBAEV DZH.P. *Logos bez imeni: Stikhotvoreniya* [A Logos Without a Name: Poems]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 160 p. (In Russ.).

KUCHUKOVA Z.A. *Karachaevobalkarskii natsional'nyi kosmos: imperativ vertikali* [The Karachay-Balkar National Cosmos: The Imperative of the Vertical]. In: *Tekst i gumanitarnyi diskurs vchera i segodnya: Materialy tre-t'ego vypuska sbornika nauchnykh trudov kafedry zarubezhnoi literatury in-stituta filologii KBGU*. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2006. – 176 p. (In Russ.).

Slovar' techenii literatury KHKH veka. Rossiya, Evropa, Amerika [Dictionary of the 20th Century Literature Trends. Russia, Europe, and America]. V dvukh knigakh. Kniga vtoraya: P-YA. Ukazateli / отв. ред. А.Ф. Кофман; редколлегия: Е.Д. Гальцова, Ю.Н. Гирин, В.Б. Зусева-Озкан, Т.В. Кудрявцева, О.Ю. Пано-ва, О.И. Половинкина, И.А. Эбанойдзе. – М.: ИМЛИ РАН, «Река времен», 2003. – 960 p. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Pyat' shagov na ogon': Stikhi* [Five Steps Towards the Fire: Poems]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 112 p. (In Russ.).

TKHAGAZITOV YU.M., TSIPINOV I.A. «Diagonal'» kak prasinvol adygskoj etnokul'tury. *Perechityvaya «Zimnyuyu noch'» A. Shogentsukova* ["Diagonal" as a Prasymbol of the Adyghe Ethnic Culture. Rereading "Winter Night" by A. Shogentsukov]. In: *Natsional'nye obrazy mira v khudozhestvennoi kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchenoi 85-letiyu so*

dnya rozhdeniya literaturoveda, filo-sofa, kul'turologa G.D. Gacheva (1929-2008). Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2015. – 732 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Каспарова – аспирант.

Information about the author

A.V. Kasparova – Postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.